

**М. Волошин**

## **ПРЕДВАРЕНИЕ**

**<к книге «Иверни»>**

Есть поэты-певцы, которые на музыкальную мелодию, уносящую их, пишут звучные и щедрые слова.

Есть поэты, которые куют, чеканят, шлифуют, выплавляя скрытую сущность, вкус, запах, цвет и меру слова.

Автор этой книги не принадлежит к числу поэтов первого типа. Направляющим указанием были для него слова Гёте: *«Творчество начинается с самоограничения»*.

Отбор необходимейшего, сжатость, сосредоточенность, точность и чёткость – в этом честная дисциплина словесного ремесла, хорошо переданная требованием:

« ... чтобы словам было тесно, мыслям – просторно».<sup>1</sup>

Нет грани между прозой и стихом: каждая фраза, если она сжата под сильным творческим давлением, а слова её много раз переставлены и крепко притёрты друг к другу, естественно становится стихом или строфой – будь это страница Флобера или текст закона. Поэтому сжатость и сосредоточенность являются первыми условиями стиха. Каждый поэт, в сущности, имеет право только на одну книгу стихов, как Бодлер, Эредиа, Тютчев ... Если он не сделает этого сам, то об этом позаботятся другие.



Закон самоограничения необходим поэту и в духовном мире: художник должен отказаться от переживаний в жизни для того, чтобы овладеть всей полнотою чувства; отказаться от чувства ради полноты воли, от воли ради полноты мысли, от мысли ради полноты молчания – и только из глубины молчания рождается слово, несущее в себе всю полноту мысли, воли, чувства и весь трепет жизни. Поэтому поэзия имеет заклинательную власть над явлениями жизни. Во всех вещах и явлениях мира пленено то божественное слово, которое их вызвало к

---

<sup>1</sup> См. примеч. 43 к статье «Опыт переоценки художественного значения Некрасова и Алексея Толстого» (с. 808 наст. изд.).

бытию. Цель поэзии найти его: угадать подлинное имя каждой вещи, изназвать все явления, расколдовать вселенную.

Лирическое средоточие этой книги стихов – странствие. Человек – странник: по земле, по звёздам, по вселенным. Человеческий дух древнее, чем земля и звёзды. Все космические катастрофы произошли в глубине его и все явления внешнего мира только напоминания – знаки, по которым Странник стремится вспомнить себя. Он отдаёт своё Я всем призрачным реальностям жизни, волокно за волокном собирает ткань своего духа, разодранного во времени.



В начале Странник отдаётся чисто внешним впечатлениям мира<sup>2</sup> («Странствия», «Париж») переходя потом к более глубокому и горькому чувству своей сыновности – чувству Матери-Земли («Киммерия»); затем он проходит сквозь испытание чувственной стихией Воды («Любовь», «Облики»), познаёт Огонь внутреннего мира («Блуждания») и пожары мира внешнего («Армагеддон»), путь его познания завершается пока висящим в междузвёздном Эфире «Двойным венком» («Corona Astralis», «Lunaria»).

Таков психологический чертёж этого пути, проводящего дух сквозь испытание четырьмя стихиями: Землёй, Водой, Огнём и Воздухом.

Эту книгу «Избранных стихов» автор, по отношению к совокупности своей поэзии, хотел сделать тем, чем пятнадцатый сонет-ключ является по отношению к венку сонетов.

**Печатается по авторизованной машинописи (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 329, 3 л.). Предназначено в качестве авторского предисловия к сборнику Волошина «Иверни» (Избранные стихотворения)» (М.: Творчество, 1918), составленному в апреле 1917 (Труды и дни-2. С. 18).**

**На основе текста «Предварения» Волошин создал стихотворение «Подмастерье»<sup>3</sup> (24 июня 1917 г.), которым открывается сборник «Иверни».**

<sup>2</sup> Далее в скобках указываются заглавия восьми разделов книги «Иверни» в их композиционной последовательности.

<sup>3</sup> 4 июля 1917 г. Волошин сообщал А. М. Петровой, высылая ей текст «Подмастерья»: «Оно будет служить вступлением к "Иверням", я хотел раньше это написать прозой, но потом вышли естественно стихи» (Из лит. наследия-2. с. 165).

## Предисловие

### Драгоценные осколки...

«Объемля творчество Волошина более чем за 15 лет, разделённая на восемь четких отделов, она (книга «Иверни» – Н.М.) выявляет весь рост и все завершения волошинского мирозерцания и рисует нам его поэтом космической пышности», – так отозвался на только что вышедший сборник избранной поэзии Максимилиана Волошина его современник поэт и переводчик Г. А. Шенгели.

Тем не менее, о книге «Иверни» исследователями, как правило, говорится вскользь. Может быть, поэт сам дал повод, даже не упомянув этот сборник (перечисляя остальные) в своей известной – «по семилетьям» – автобиографии 1925 года. Структура же всех современных достаточно полных изданий поэзии М. А. Волошина определена пожеланием автора в той же автобиографии:

«Вот в каком порядке мои стихи должны быть изданы:

Две книги лирики:

Годы странствий (1900-1910)

SELVA OSKURA (1910-1914).

Книги о войне и революции:

Неопалимая купина (1914-1924).

Путями Каина».

Все четыре книги Волошиным были составлены и структурированы. Именно в таком виде оформил в объёмный машинописный том поэтическое наследие М. А. Волошина в 1930-е годы писатель и поэт, сотрудник ГАХН Л. Е. Остроумов (1892-1955), сформировав и добавив пятую книгу «Паралипоменон» («Книга о пропущенном», *греч.*) из стихотворений, не определённых автором ни в одну из вышеупомянутых книг.

Поэтическим дебютом М. А. Волошина (1877-1932) принято считать публикацию его стихотворения «Над могилой В. К. Виноградова» в сборнике «Памяти Василия Ксенофоновича Виноградова», изданном в Феодосии в 1895 году. Сам поэт относился к такому исчислению его литературной деятельности иронически. Регулярно публиковаться в периодике – стихи, путевые заметки, рецензии, эссе, критические статьи – Максимилиан Волошин начинает с начала 1900-х годов. И лишь в 1910 году издаёт первый сборник поэзии «Стихотворения. 1900-1910» (М., «Гриф»), который хоть и вызвал неоднозначную реакцию критики, но и был высоко оценён в искушенных литературных кругах России начала XX столетия. Весной 1916 года в Москве в издательстве М. О. Цетлина «Зёрна» вышла совсем небольшая (24 произведения) и небольшим – триста экземпляров – тиражом. Вторая книга стихов Волошина «Anno mundi ardentis 1915» («В год пылающего мира»), отразившая осмысление мировой войны с утверждае-

мой им мировоззренческой позиции «все во мне, и я во всех». Страстная, наполненная яркими и религиозными образами, книга упрочила положение Волошина как серьёзного поэта. В черновом варианте «Автобиографии 1925 года» («по семилетьям») Максимилиан Александрович отметил: «По возвращении из Парижа в 1916 году я застаю в России перелом в отношении ко мне, совершившийся вне литературных оценок и статей: как бы молчаливое признание меня как поэта».

Таким образом, к 1917 году Максимилиан Волошин имеет лишь два поэтических сборника. А год, в некотором смысле, рубежный – поэту исполняется 40 лет. И он подумывает об издании следующей книги ...

Книгу избранных стихотворений Максимилиан Волошин составляет достаточно быстро по предложению издателя С. А. Абрамова, с которым, видимо, он обговаривал условия издания, встречаясь в Москве 13 и 27 февраля 1917 года. Тогда из Москвы он писал Марии Самойловне Цетлин: «Со всех сторон идут ко мне предложения, просьбы и заказы на разные издания».

В конце апреля 1917 года Максимилиан Александрович вернулся из Москвы в Коктебель, а уже 5 мая писал С. А. Абрамову:

«Многоуважаемый Соломон Абрамович, посылаю Вам одновременно мои «Избранные стихи», вполне подготовленные к печати. Я нашёл, что им лучше дать отдельное имя, а «изб.[ранные] ст.[ихи]» оставить подзаголовком. Имя книги будет «ИВЕРНИ» (Иверни – это обломки др.[агоценных] камней). Я включил в книгу многие ещё ненапечатанные стихи, т.к. без них она бы утратила цельность. В общем, это составляет больше трёх тысяч стихов, и вместе с предисловием займёт не 64 стр. как мы предполагали, а около 120, то есть составит двойной номер. Конечно, книжку можно было бы урезать, но это было бы ей во вред. Сейчас в продаже нет ни одной книги моих стихов, а предполагаемое полное собрание в двух томах, конечно, не выйдет до конца войны. Поэтому более полный выбор и желательнее, и выгоднее.

И так, я предлагаю Вам двойной номер, с соответственным повышением гонорара со 120 р. до 200 р. Я думаю, что это будет к обоюдной нашей выгоде. Книжка с портретом и предисловием, составленная наполовину из стихов или разбросанных по разным журналам, или неизданных, будет представлять интерес полной новизны, особенно при цене в 40 к.[опеек] (или норм. 20 к. [опеек]) «ВЕРХАРНА» я вышлю Вам недели через полторы.

Работа моя несколько замедлилась благодаря задержке моей пишущей машинки в пути: у меня болит рука, и я не могу ею делать большой переписки. Жму Вашу руку».

Чуть позже, 9 мая, сообщал в письме Александре Михайловне Петровой: «Я только что подготовил к изданию избранные мои стихи (из обеих книг, под названием «Иверни»). Это будет маленькое дешёвое издание по 20 к[опеек], и издано оно будет в нескольких десятках тысяч...» .

Из этих писем видно, что Волошин предполагал выпустить недорогое доступное всем издание, но, тем не менее, тщательно продумывал и выстраивал его структуру (цельность). Недаром и слово *иверни* толковал как «обломки драгоценных камней» в отличие от толкования В. Даля – «черепки, осколки», подчеркивая значение собранных в книгу произведений. Высланный вариант сборника вскоре подвергся изменениям. Прозаическое предисловие трансформировалось в стихотворение «Подмастерье».

Об этом Максимилиан Александрович писал в письме к А. М. Петровой 4 июля: «...Я последнее время опять начал писать стихи. Посылаю Вам два. Обратите внимание на «Подмастерье». Оно будет служить вступлением к «Иверням», я хотел раньше написать это прозой, но потом вышли естественно стихи. В нём мое поэтическое «Исповедание Веры»...»

Очевидно, в ответ неожиданно он получил настолько суровую критику «Подмастерья», что 17 июля посвятил разъяснению своего замысла почти целое письмо: «...Очень меня огорчило, Александра Михайловна, что Вы не приняли моих новых стихов. Не то, конечно, что Вы об них пишете: Вы знаете, что я люблю Вашу критику независимо от того, кажется ли она мне справедливой или нет, а просто потому, что люблю её страстность, искренность и стремительность. Но относительно этих стихов я думаю, что Вы просто их не восприняли как следует или не тем ритмом прочли про себя. Я в обоих них уверен. И такой придирчивый критик и пурист стиха, как Ходасевич, их одобрил вполне. Но «Подмастерье» и есть по замыслу стихотворение дидактическое и написано и обработано, как таковое. Оно написано вполне по тому рецепту, который в нём изложен: «Речение, в котором все слова притёрты, пригнаны и сплавлены... становится лирической строфой...». Боюсь, что Вас сбilo моё сообщение о том, что вначале оно было прозаическим предисловием. Но я вовсе не «переделывал» мою прозу в стихи: я просто её продолжал обрабатывать и чеканить до тех пор, пока она не стала стихом, – вот и всё: также написаны Аполлион и Воскресение Мёртвых. А дидактично оно по самой теме своей и по замыслу. Дидактическая поэзия существует и имеет все права на существование, и может быть плохой и хорошей в зависимости от того, как она сделана. А вовсе не потому, что она «дидактическая». Если лирика переходит в дидактику, – это, конечно, недостаток, но в дидактике самой по себе ничего антиэстетического нет. Словом, мне необходимо самому прочесть его Вам вслух, и тогда Вы наверное с ним помириться...».

Похоже, что этими разъяснениями Александра Михайловна вполне с «Подмастерьем» «помирилась», потому что уже 7 августа Волошин облегчённо ей писал: «Как я рад, что Вы всё же признали «Подмастерье» Мне очень важно Ваше мнение, Вы это знаете, и Ваше отрицание меня очень огорчило, тем более что мне предстоит ещё ряд стихотворений в этой же полосе...».

Действительно, в дальнейшем поэт не раз использовал в своём творчестве этот «безрифменный, свободно гнущийся размер», отточенный в стихотворении «Подмастерье».

Максимилиан Александрович посвятил это произведение композитору и пианистке Юлии Федоровне Львовой (1873-1950), написавшей музыку к стихам Волошина, в частности, опубликованным в «Ивернях»: «Сердце мира, солнце Алкиана...», «Созвездия», «Эта светлая аллея...», «Солнце», ключевому сонету венка «Lunaria». Львова, которая, кроме музыки серьёзно занималась теософией, оказалась интересным собеседником для Волошина. Завязалась переписка, она с дочерью приезжала в Дом Поэта летом в 1916 и 1917 годах и, очевидно, увезла с собой список «Подмастерья». А 2 октября 1917 года она писала Волошину из Петрограда: «Часто его [«Подмастерье» – Н.М.] читаем вслух. Наши теософы потрясены им глубоко».

В 1925 году в одном из вариантов автобиографии Волошин подтвердил значимость «Подмастерья» для понимания его поэтического творчества: «Мой поэтический символ веры – см[отри] стихотв[орение] «Подмастерье», которое я написал как предисловие к «Иверням» – сборнику избранных моих стихотворений».

Окончательно в книгу «Иверни» вошли семьдесят три произведения из двух предыдущих сборников: 60 – из первого «Стихотворения.1900-1910» и 13 включённых Волошиным во второй – «Anno mundi ardentis. 1915», а также 37 стихотворений, опубликованных до этого в периодике и 9 ранее не печатавшихся. Книга содержит восемь разделов, стихотворение «Подмастерье» было поставлено поэтом вне разделов в начало книги и является её поэтическим предварением.

В своём первоначальном прозаическом «Предварении» Волошин дал понимание цикличного построения сборника как цикличности жизни человеческой (не случайно и свой жизненный путь он считает семилетьями) – от впечатлений и ощущений – через познание, жизненный опыт внешний и внутренний – к прозрению и вечности.

В первый раздел – «Странствия» Волошин включил одиннадцать стихотворений. Десять – из своего первого сборника и сонет «Города в пустыне», печатавшийся до этого в периодике и впервые опубликованный в каталоге «Мир искусства» (М., 1916.). На выставке этого художественного объединения в том же году Волошиным была представлена серия акварелей, каждая из которых была подписана строкой из этого сонета. В автографе стихотворение идёт с подзаголовком «Венок сонетов» и, по мнению исследователя В. П. Купченко, задумывалось как магистральный сонет к неосуществленному венку.

Одно из стихотворений этого раздела – «Сердце мира, солнце Алкиана» («Гимн пифагорейцев») будучи в Петрограде в апреле 1916 года поэт вписал в свою тетрадь на латинском языке (в переводе Н. Н. Павлиновой), позже упоминая о том, что оно «исполнялось как гимн в Индии».

В следующий раздел – «Париж» включено девять стихотворений из первого сборника, четыре – из второго и одно – «Слепые застилая дни...» было опубликовано в книге «Париж накануне войны в монотипиях Е. Кругликовой». (Пг., 1916). Интересно, что одно из стихотворений раздела – «Цеппелины над Парижем», которое имеет ещё название «Ночь весеннего равноденствия», впервые было напечатано 15 июня 1915 года в парижском издании «L'ELAN», №5 в виде факсимиле автографа с рисунком автора на тему стихотворения.

Третий раздел – «Киммерия» состоит из двенадцати стихотворений из первого сборника и восьми печатавшихся в периодике. В стихотворении со стр. 40 настоящего сборника «Яры, увалы, ширь полей...», видимо по недосмотру редактора, переставлены местами первая-вторая строки.

В четвёртом разделе – «Любовь» к четырнадцати произведениям, опубликованным в книге «Стихотворения. 1900-1910» Максимилиан Волошин добавил четыре, публиковавшихся в периодических изданиях и три неопубликованных ранее. Впервые печатаются «Мой пыльный пурпур был в лоскутьях...» (написано 8 февраля 1913 года) и два стихотворения 1910 года, обращённых к Е. И. Дмитриевой – «Себя покорно предавая сжечь...» (от 20 марта, в автографе озаглавлено «Разлука») и «Пурпурный лист на дне бассейна...» (от 26 января, Петербург). Стихотворение «Отрывки из посланий» – это соединённые в одно два произведения Волошина из цикла «Amori Amara Sacrum» первой книги стихов: «Письмо» (из которого выпущены строфы 8-18) и «Второе письмо». Б. Филиппов и Э. Райс в примечаниях к парижскому изданию стихотворений М. А. Волошина очень жёстко отмечают: «... «Иверни», 1918, в которых редактор, Н. С. Клестов-Ангарский, не только допустил при корректуре самовольное изменение порядка строк, но и соединил, скажем, безбожно сокращённые «Письмо» и «Второе письмо» в одно стихотворение».

Следующий раздел – «Облики» включает в себя лишь три стихотворения из первого сборника М. Волошина. Четырнадцать в разное время были опубликованы в периодических изданиях, в основном, в альманахах, четыре публиковались впервые. Это «Я узнаю себя в чертах...», «Любовь твоя жаждет так много...» (обращено к поэтессе и переводчице М. П. Кювилье (1895-1985)), «Осенние пляски», «Трели». Два последних стихотворения в автографе входят соответственно первым и вторым в цикл, обозначенный Волошиным «Пляски», поэт неоднократно упоминает о том, что в них звучит мотив Глюка из «Ифигении» «много лет не дававшей мне покою».

В разделе «Блуждания» первые десять произведений – из разных разделов первой книги стихов, причём автор собственноручно нарушает определённые ранее циклы «Когда время останавливается» и «Руанский собор». Далее – шесть стихотворений публиковавшихся в периодике и два – «Отроком строгим бродил я...» и «Пещера» представлены на суд читателей впервые.

В седьмой раздел – «Армагеддон» поэт включил стихотворение «Ангел мщения» из первого сборника, стихотворение «Русь» (параллельно составлению «Иверней» напечатанное в газете «Власть народа» (1917, 28 июля) под названием «России») и девять произведений из книги «Anno mundi ardentis. 1915». Три стихотворения позже войдут в цикл «Путями Каина» (в основном написанный в 1922-23 гг.): «Аполлион» (о котором автор писал А. М. Петровой 16 августа 1915 г.: «Там весь мой взгляд на войну») – с добавленным первым стихом, частично переработанный, под названием «Война»; «Левиафан» – с добавлением четырёх строк в начале; «И отдала земля мёртвых, бывших в ней» – под названием «Суд». В начале 1925 года в автобиографии Максимилиан Волошин отметил: «Моё отношение к государству – см. «Левиафан»», подчеркивая неизменность основы своей точки зрения, сформировавшейся в центре объята первой мировой войной Европы. На странице 102 в стихотворении «Реймская Богоматерь» поверх ошибочной второй сверху строки «Небесным светом опалён» исправление рукой автора «Народы созерцать могли».

«Двойной венок» – последний раздел книги. Венок «Corona astralis» отдельным разделом был опубликован в первом сборнике стихов, «Lunaria» печатался в альманахе «Гриф» (М., 1914) с указанием под текстом: ««Lunarii» – начаты 16 июня, окончены 1 июля 1913. Коктебель. Воспалённые дни гроз и ветра между июньским ущербом и июльским полнолунием». Очевидно, для композиционной симметричности с венком сонетов «Lunaria», в «Ивернях» магистральный сонет «Corona astralis» Волошин ставит в завершение «Венка», тогда как в сборнике «Стихотворения. 1900-1910» он был вынесен в начало.

«Corona astralis» – венок сонетов, посвящённый Елизавете Дмитриевой, был написан в 1909 году, одновременно с венком сонетов Вячеслава Иванова. В русской поэзии такая форма была использована впервые, но, несмотря на её сложную организацию и строгость у Волошина, прежде всего, чувствуешь гармонию и пластику стиха, его естественное течение. По воспоминаниям В. И. Язвицкого, такой придирчивый критик как Валерий Брюсов (1873-1924) утверждал, что в России правильный сонет могут писать только он сам и Максимилиан Волошин. Журналист А. Н. Брянчанинов при знакомстве с Волошиным в апреле 1916 года сообщил ему о большом влиянии «Corona astralis» на композитора А. Н. Скрябина (1871-1915) «в последний период его творчества». Б. Леман писал в письме Волошину: «Она («Corona astralis» – Н.М.) в стиле средневековой энциклопедии какого-нибудь монаха, вроде Бёме, где есть мифы, и естеств[енные] науки, и искусство, и всё пронизано одной мистической нотой». В неопубликованном при жизни Волошина предисловии к книге «Стихотворения. 1900-1910» поэт определил: «...из всего прожитого сплёл венок сонетов – Астральную корону». А в 1925 году в автобиографии подтвердил: «Моё отношение к миру – см. «Corona astralis»».



Ключевой сонет венка «Lunaria» под заглавием «Луна» и в несколько ином виде был напечатан ещё в альманахе «Белые ночи» (СПб., 1907) – с посвящением «Майе», а затем, с посвящением Бальмонту, в той же редакции и с датой 1907 г. – в первом сборнике стихов М. Волошина, в разделе «Звезда Полынь». С. М. Пинаев отмечает: «Обратившись спустя шесть лет к написанию венка сонетов «Lunaria», поэт ещё более расширит мифологическую и «научную» базу своей символики, возведя её к древнегреческой философии Фалеса и Анаксимандра, поэтическому творчеству Гесиода и Феокрита, астрономическим построениям Кеплера и Гримальди, математике Джероламо Кардано и, конечно же, «Тайной доктрине» Е. П. Блаватской».

Поскольку мы не ставили своей целью подробно комментировать поэзию М. А. Волошина, а только представить книгу «Иверни», то вдумчивому читателю рекомендуем обратиться, прежде всего, к обширным комментариям В. П. Купченко, В. В. Базанова, С. М. Пинаева, Б. Филиппова и Э. Райса, с огромной благодарностью к их исследовательской и литературоведческой деятельности.

В мае 1918 г. в московском книгоиздательстве С. А. Абрамова «Творчество» в серии «Художественная библиотечка «Творчество» № 9-10 тиражом 12 тысяч экземпляров вышел из печати третий сборник стихотворений М. А. Волошина «Иверни».

Видимо, Волошин вскоре узнал о выходе книги от кого-то из знакомых и 2 июня 1918 года написал из Коктебеля Юлии Леонидовне Оболенской: «... До меня дошёл слух, что мои избранные стихи «Иверни» вышли в свет. Видали Вы эту книжку? Какая она по внешности? Какая её цена? Приложен ли к ней мой портрет? Я так её и не получил. Если будет оказия пришлите мне её пожалуйста экземпляр (она по условию с издателем должна быть дешевым изданием в 20 к.)».

20 июля, наконец, Максимилиан Александрович получил авторские экземпляры и на следующий день писал С. А. Абрамову из Коктебеля:

«Многоуважаемый Соломон Абрамович,

Получил 20 экземпляров «ИВЕРНЕЙ». Очень благодарю. Издание имеет вид очень приличный: особенно, что на белой бумаге и текст, сколько я успел просмотреть, вполне исправлен. (Но вместо опечаток есть другая типографическая потребность: в нескольких стихотворениях перемещён порядок строчек и одни строки заменены другими). Очень было бы желательно получить от Вас возможно больше экзemp.[ляров] простого издания для того, чтобы раздать местным магазинам: книгу все спрашивают. Я очень тороплюсь, чтобы успеть послать это письмо с завтрашней оказией. Потому, прежде всего о делах. Я вполне понимаю, что при теперешних условиях книжного рынка книжку невозможно было выпустить за 20 к., как мы уславливались, и цена 1 руб. вовсе не высока, так что далёк от мысли упрекать Вас за это нарушение наших условий.

Но мне думается, что при таком изменении ценности книги и гонорарная оплата её должна автоматически измениться. При 12000 экз. по 20 к. 200 р. Я считал гонорар нормальным. Но при том же тираже по 1 р. Ценнос[ть] издания повышается в 5 раз и гонорар в сущности должен быть повышен во столько же, чтобы остаться в том же процентном отношении. Не зная Ваших расходов и представляя себе все трудности издания в настоящее время[я] я не собираюсь от Вас требовать его увеличения в таком размере, т.к. уверен, что Ваш личный доход не возрос от издания в такой же пропорции, но зная Вас, я думаю, что это не родит недоразумений между нами и что Вы сами пойдёте навстречу моему справедливому желанию повысить своё вознаграждение за рублёвую книжку, т.к. мне ввиду моего намерения издать сейчас после приведения издательского дела в относительный порядок полное собрание моих стихов отнюдь не безразлично имеется ли в продаже 12000 экз. моей 20 к.-чной книжки или рублёвой. Рассуждая логически, при теперешнем положении гонорар должен был из 200 р. стать 1000 р. Поэтому буду ждать от Вас разъяснений и объяснений с ближайшей оказией... Наружность ИВЕРНЕЙ мне нравится, но к сожалению обложка Чехонина производит впечатление очень уменьшенной как будто её нормальный вид был бы в размер ТВОРЧЕСТВА (журнал). Нехорошо уменьш.[ительная] форма Библиотечка, вм.[есто] Библиотека.

Больше буквально не к чему придраться. Альманах издан ещё лучше, чем первый: прямо удивительно для теперешнего времени. И состав его гораздо лучше. К сожалению, я успел его только просмотреть пока. У Вас на днях будет мой знакомый юноша Морозов, которого я просил захватить с собой, сколько он может, экз. ИВЕРНЕЙ. Пришлите побольше рублёвого издания, чтобы сдать в продажу. Спасибо за то, что послали кому можно ИВЕРНИ. Пожалуйста, пошлите тоже, если не послали: Ник. Алекс. Бердяеву. Б. Власьевский, 14. Серг. Ник. Булгакову. Зубовский бульвар, 15. Священнику Флоренскому. Сергиевский Посад. Дворянская у. Собственный дом. Шестову, Гершензону, Белому, Бальмонту, Рашель Мироновне Гальдовской. Старокопюшенный 25.

Ежели где будут отзывы об ИВЕРНЯХ, то перешлите мне при случае т.к. едва ли они дойдут до меня.

До свиданья. Жму Вашу руку».

Добавим, что гонорар за книгу, который, видимо, в это же время Волошин получил, в связи с резкой инфляцией оказался почти символическим. Небольшая сумма быстро истратилась.

А в качестве отзыва приведём отрывок из статьи Шенгели «Киммерийские Афины», т.к. она написана в 1918 году и, несомненно, под впечатлением только что вышедшей книги «Иверни»:

«Известность поэта и весомость поэзии далеко не всегда находятся в прямом отношении. Стихи Надсона идут чуть ли не сотым изданием, а гениальный Тютчев получил всеобщее признание лишь к столетнему юбилею рождения. И в наши дни почти наряду с Бальмонтом и Сологубом “гремел” Сергей Городецкий, а такой громадный поэт, как Иннокентий Анненский, до самой смерти оставался в упорной тени.

И Максимилиан Волошин, – потому ли, что живёт вдали от литературных рынков, потому ли, что мало печатает, потому ли, наконец, что стихи его слишком насыщены культурой, обращающей повышенные требования к читателю, – мало известен широкой публике. По крайней мере, страницы “чтецов-декламаторов”, отпечатлевшие его стихи, остаются в библиотечных экземплярах гораздо более чистыми, чем страницы Бальмонта или Блока, – показатель!

Но в литературных кругах имя Волошина пользуется высокой репутацией.

Волошин, по собственному признанию, не “светлый лирик, что ниже широкие и щедрые слова на вихри струнные, качающие душу”, – он “кузнец упорных слов”, он “вкус, запах, цвет и меру выплавляет их скрытой сущности”. Он действительно “чеканщик монет”, “гранильщик камней”. Его черновые тетради позволяют ощупать всю его работу над словом. Одно стихотворение иногда пишется несколько лет. Так, в тетради, например, 1907 года можно найти отдельные образы, созвучия, ритмические отрывки, выписки эпитетов, разно тембрирующих основную ноту. То же самое оказывается перенесённым в тетрадь 1909 года с прибавлением нового и т. д. Постепенно накапливается богатая палитра красок для основного образа стихотворения – и где-нибудь в тетради 1911 или 12-го года мы находим стихотворение осуществлённым, что не защищает его от дальнейшей обработки.

Не потому ли так равны книги Волошина, так выдержан лирический уровень его стихов? Какой урок стихотворцам, эшелонами отправляющим стихи в типографию. Если позволительно разделить стихию поэзии на два начала: музыкальное и пластическое, то Волошин – бесспорный господин второго. Только Вяч. Иванов может поспорить с ним в искусстве подобрать наиболее полнозвучные и полнокровные слова для выражения желаемого. Так, зной у Волошина “медленно плавится тёмным золотом смол”, цеппелин над Парижем “висел в созвездии Тельца, как ствол дорической колонны”, вечером в окне мастерской “бьются зори огненным крылом”. И вот этот последний, чисто парнасский на первый взгляд образ весь насыщен живым биением эмоции: зори бьются крылом подстреленной птицы; вечерняя заря – скорбна.

Первооснова воздействия на психику читателя – ритм представляется крайне интересным в стихах Волошина. Своеобразный и богатый, он в каждой строке переливается по-иному, в точности соответствуя всем изгибам логического рельефа. Волошинский *vers libre* – свободный стих – приближается к пушкинскому, далеко оставляя за собой почти все попытки современных стихотворцев, и опыты введения в русский стих античных размеров стоят выше фетовских:

*Февральский ветер сизой тоской повит.  
Нагорной степью путь мой уходит вдаль.  
Жгутами струй сечёт глаза дождь.  
Северный ветер гудит в провалах.*

Таким образом, формальное совершенство стихов Волошина непререкаемо. Какая же душа оживляет эти великолепные формы? Недавно вышедшая книга избранных стихов Волошина «Иверни» (от старого русского слова иверень — «обломок») отвечает за это».

В 1927 году Максимилиан Александрович подарил Марии Степановне на день рождения сборник «Иверни», в который собственноручно вклеил на каждый шмуцтитул по оригинальной акварели (всего 9 штук), превратив тиражный экземпляр в раритет. А 4 ноября сделал надпись: «Дорогой Марусе с глубокой и нежной любовью. Все, что ты принесла мне в жизнь – все радость. Макс». Эта любовно оформленная книга, с которой и сделано настоящее факсимильное издание, хранится в Доме-музее М. А. Волошина.

Благодарю за помощь при подготовке издания заведующую фондами Дома-музея М. А. Волошина Т. М. Свидову, с.н.с. И. Н. Палаш, генерального директора заповедника «Киммерия М. А. Волошина» Б.П. Полетавкина.

Поскольку в прозаическом предисловии автор уточняет глубинную связь обозначенных им разделов книги, мы посчитали необходимым воспроизвести полностью авторский текст предисловия к сборнику «Иверни», хранящийся в Доме-музее М. А. Волошина.

*Наталья Мирошниченко*

## **Подмастерье**

*Посвящается Ю. Ф. Львовой*

Мне было сказано:  
Не светлым лирником, что нижет  
Широкие и щедрые слова  
На вихри струнные, качающие душу, —  
Ты будешь подмастерьем  
Словесного, святого ремесла,  
Ты будешь кузнецом  
Упорных слов,

Вкус, запах, цвет и меру выплавляя  
Их скрытой сущности, —  
Ты будешь  
Ковалом и горнилом,  
Чеканщиком монет, гранильщиком камней.  
Стих создают — безвыходность, необходимость, сжатость,  
Сосредоточенность...  
Нет грани меж прозой и стихом:  
Речение,  
В котором все слова притёрты,  
Пригнаны и сплавлены,  
Умом и терпугом, паялом и терпеньем,  
Становится лирической строфой, —  
Будь то страница  
Тацита  
Иль медный текст закона.  
Для ремесла и духа — единый путь:  
Ограничение себя.  
Чтоб научиться чувствовать,  
Ты должен отказаться  
От радости переживаний жизни,  
От чувства отрешиться ради  
Сосредоточья воли,  
И от воли — для отрешённости сознания.  
Когда же и сознание внутри себя ты сможешь погасить —  
Тогда  
Из глубины молчания родится  
Слово,  
В себе несущее  
Всю полноту сознания, воли, чувства,  
Все трепеты и все сиянья жизни.  
Но знай, что каждым новым  
Осуществлением  
Ты умерщвляешь часть своей возможной жизни:  
Искусство живо —  
Живою кровью принесённых жертв.  
Ты будешь Странником  
По вещим перепутьям Срединной Азии  
И западных морей,  
Чтоб разум свой ожечь в плавильных горнах знания,  
Чтоб испытать сыновность и сиротство  
И немоту отверженной земли.  
Душа твоя пройдёт сквозь пытку и крещение  
Страстную влагою,

Сквозь зыбкие обманы  
Небесных обликов в зеркалах земных вод.  
Твоё сознание будет  
Потеряно в лесу противочувств,  
Средь чёрных пламеней, среди пожарищ мира.  
Твой дух дерзающий познает притяженья  
Созвездий правящих и волящих планет...  
Так, высвобождаясь  
От власти малого, беспамятного «я»,  
Увидишь ты, что все явленья —  
Знаки,  
По которым ты вспоминаешь самого себя,  
И волокно за волокном собираешь  
Ткань духа своего, разодранного миром.

Когда же ты поймёшь,  
Что ты не сын земле,  
Но путник по вселенным,  
Что солнца и созвездья возникали  
И гибли внутри тебя,  
Что всюду — и в тварях, и в вещах —  
Божественное Слово,  
Их к бытию призвавшее,  
Что ты освободитель божественных имён,  
Пришедший изназвать  
Всех духов — узников, увязших в веществе,  
Когда поймёшь, что человек рождён,  
Чтоб выплавить из мира  
Необходимости и Разума —  
Вселенную Свободы и Любви, —  
Тогда лишь  
Ты станешь Мастером.

*24 июля 1917, Коктебель*